

И. П. Максимов, М. Смирнов

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ЭСТОНИИ:
ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И БУДУЩЕЕ
РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.05.2023 г.

Принята к публикации 30.06.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9

96

Для цитирования: Максимов И. П., Смирнов М. Языковая политика Эстонии: достигнутые результаты и будущее русскоязычного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 96–105. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9.

Языковая политика Эстонии вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе, осложняемые политической заряженностью данной темы. В работах эстонских авторов можно встретить безоговорочное постулирование влияния России на эстонское общество, а самим русскоязычным меньшинствам уделяется относительно мало внимания. Отечественные исследователи сосредоточивают внимание на негативных аспектах интеграционной и языковой политики – нарушении прав национальных меньшинств, ассимиляционном характере языковой политики Эстонии, – но при этом в силу языкового барьера редко привлекают эстоноязычный эмпирический материал. Отсюда вытекают часто прямо противоположные выводы о перспективах языковой политики Эстонии: от неизбежной ассимиляции русскоязычного меньшинства до его успешной интеграции в эстонское общество с сохранением языковой и культурной самобытности. В статье рассматриваются результаты языковой политики Эстонской Республики на 2023 г. и перспективы русскоязычного образования в стране, делается вывод о возможностях трансформации интеграционной политики в действительно ассимиляционную.

Ключевые слова: языковая политика, ассимиляция, этнополитика, национальный вопрос, национальные меньшинства

Двенадцатого декабря 2022 г. парламент Эстонии принял поправки в Закон об образовании, которые фактически полностью ликвидировали государственное образование в стране на русском языке. Согласно обновленному закону, единственным языком обучения в государственных учреждениях в стране становится эстонский, а в отношении работников образования вводится требование к уровню владения государственным языком. Разумеется, переход школ на эстонский язык не является сиюминутным, каждое учреждение осуществляет этот процесс в своем темпе, но должно уложиться в крайний срок – до 2031/32 учебного года [12]. Подобный шаг можно рассматривать как окончательный

переход к политике ассимиляции в отношении русскоязычного населения, хотя с подобным взглядом категорически не согласны эстонские политики и исследователи, которые убеждены, что перевод образования на эстонский язык лишь поспособствует улучшению позиций русскоязычной молодежи на рынке труда [4]. В данном контексте разумно оценить текущие успехи языковой политики Эстонии и положение русскоязычного меньшинства в эстонском обществе.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на новые поправки в Закон об образовании, у русскоязычных жителей Эстонии по-прежнему сохраняется возможность получать образование на русском языке, но уже на базе частных школ. Поправки не затронули Закон о частных школах и, как следствие, частные учебные заведения по-прежнему могут самостоятельно выбирать язык обучения. Единственное требование — обязательные уроки эстонского языка как иностранного. В сфере высшего образования страна уже знает примеры учреждения учебных заведений с преимущественно русским языком обучения (бизнес-школа «Майнор»).

Хотя Закон о языке от 2011 г. [3] не признает государственными никакие языки, кроме эстонского, он выделяет ряд привилегий для языков национальных меньшинств, среди которых русский выделен отдельно на основании Закона о культурной автономии национальных меньшинств [2]. Согласно данному закону, национальные меньшинства имеют право объединяться в культурные самоуправления со своими представительствами, учебными заведениями и культурными центрами, если численность национального меньшинства составляет не менее 3 тыс. человек. При этом русские, немцы, шведы и евреи выделены в законе отдельно как народы, исторически проживающие на территории Эстонии. Объединившись в культурную автономию путем составления национальных списков и проведения выборов в культурный совет согласно распорядку, установленному в законе, национальное меньшинство получает право на создание национальных учебных заведений (при этом ст. 37 Конституции Эстонской Республики отдельно защищает язык преподавания в подобных учебных заведениях), приходо-в, организаций, на выпуск печатных изданий и проведение культурных мероприятий. Отдельно следует отметить право на использование своего языка в делопроизводстве, что означает обслуживание в государственных учреждениях на языке национального меньшинства при условии, что оно составляет не менее 50 % от населения местного самоуправления. Официально зарегистрированное самоуправление национального меньшинства может претендовать и на финансовую поддержку из государственного бюджета помимо иных источников финансирования [2].

В данном контексте проблемой является то, что на официальном уровне русскоязычное меньшинство не имеет своего представительства или самоуправления, в отличие, например, от проживающих на территории Эстонии финнов и шведов. Подобная ситуация ставит русскоязычное меньшинство в Эстонии в довольно уникальную ситуацию: с

одной стороны, это позволяет властям на законных основаниях отклонять ходатайства об использовании русского языка в делопроизводстве даже в преимущественно русскоязычных районах, с другой — на практике эстонское государство косвенно признает статус русскоязычного меньшинства и даже поддерживает его культурную жизнь, например финансирует Русский театр с полностью русскоязычной программой, различные русскоязычные теле- и радиопрограммы, проекты в области культуры и языка. В стране по-прежнему издается русскоязычная литература, а в кинотеатрах показываются фильмы как в русском дубляже, так и с русскими субтитрами. И даже в сфере делопроизводства обслуживание на русском языке распространено повсеместно, хотя языком документов остается эстонский [7].

Что касается интеграционных программ Эстонии, то со временем они претерпели значительные изменения. Так, программа «Интеграция в эстонское общество 2000—2007» по большей части была сосредоточена на так называемых русофонах — русскоязычном населении Эстонии в лице иммигрантов, прибывших в страну в советский период, вне зависимости от их национальности. Главной составляющей таких программ являлся языковой вопрос: объединение общества должно было осуществляться вокруг эстонского языка и культуры, что свидетельствовало об ассимиляционном характере программы. Основными ее пунктами обозначались реформа эстонской системы образования путем полного ее перевода на эстонский язык и создание инфраструктуры для преподавания эстонского языка взрослому населению [10].

Актуальная программа Министерства культуры подходит к вопросу интеграции и сплочения эстонского общества гораздо шире, нежели исключительно в плоскости языковой политики и культурной ассимиляции. В качестве основных проблем эстонского общества в программе «Стратегия сплоченной Эстонии 2030» [14] выделяются низкий уровень сплоченности, языковая сегрегация, старение населения, высокий уровень иммиграции молодежи с последующей утратой культурных связей с родиной, низкий уровень поддержки гражданских объединений и некоммерческих организаций, несовершенство системы сбора информации о населении. Таким образом, большая часть программы посвящена не столько языковой политике, сколько другим аспектам интеграции общества — от поддержки и стимуляции релокации соотечественников за рубежом обратно на родину до развития IT-сектора в сфере опросов, электронных переписей и сбора информации о народонаселении [14].

В сфере непосредственно языковой политики и культурной интеграции акцент смещен с русофонов на мигрантов в целом, и хотя упоминания русскоязычного меньшинства как наиболее крупной лингвистической группы иммигрантов все еще встречаются, сама программа нацелена прежде всего на интеграцию любого иностранца, пребывающего в республику, вне зависимости от его родного языка или культуры. Первоочередной задачей является социальная интеграция иностранца в общество, где у него есть неотъемлемое право полноценно

участвовать в общественной жизни вне зависимости от происхождения или родного языка. Особое внимание в рамках стратегии уделяется обеспечению равных возможностей иммигрантам на рынке труда, в сфере образования и социального благополучия. В конечном итоге иммигрант должен осознать свою принадлежность к эстонской нации и культуре, сохранив при этом свои культурные и языковые корни.

Если же рассматривать результаты языковой политики Эстонии на сегодняшний день, то, несмотря на определенную положительную динамику и постепенное искоренение острых социальных проблем в обществе, нельзя говорить о каких-то крупных успехах на данном поприще. В эстонском обществе по-прежнему остается нерешенным ряд проблем: культурная и языковая сегрегация, неравное положение эстонцев и неэстонцев на рынке труда, институт «негражданства».

Вопрос «неграждан», или «серопаспортников», часто поднимается в российских [5] и иностранных [15] исследованиях. На 1 января 2021 г. в Эстонии проживало 66 тыс. «неграждан», которые составляли 5 % от общего населения страны. Гражданами России являются 6,1 % жителей Эстонии, или 81 тыс. человек, гражданами Эстонии — 84,7 %, или 1,1 млн человек, 4,2 % населения приходится на граждан других государств [1].

Следует отметить, что ситуация с «серопаспортниками» значительно улучшилась за прошедшие годы: их доля среди жителей страны сократилось с 32 % в начале 1990-х гг. до 5 % на начало 2021 г. На сегодняшний день есть ряд причин, по которым определенную часть оставшихся «неграждан» вполне устраивает их положение. В первую очередь «серый» паспорт позволяет легко перемещаться как по территориям стран СНГ (включая Россию, для въезда в которую «серопаспортникам» не требуется виза), так и по территории Европейского союза. Впрочем, некоторые «неграждане» не могут получить гражданство Эстонии в виду слабого владения государственным языком или по идеологическим причинам, так как получение гражданства требует принесения присяги на верность эстонскому государству [6].

Что касается сегрегации, то эстоноязычное и русскоязычное общества до сих пор слабо пересекаются друг с другом: около трети эстонцев не имеют в своем близком кругу общения ни одного русского, а десятая часть русских — ни одного эстонца. При этом межличностные связи за пределами работы / учебы и вовсе близятся к нулю. Впрочем, нельзя не отметить и определенные положительные тенденции в данной сфере: так, в 2020 г., даже в период пандемии коронавируса, 64 % неэстонцев и 62 % эстонцев имели регулярные контакты с людьми другой национальности. Для сравнения, в 2017 и 2015 гг. данные показатели составляли соответственно 81 и 80 % для неэстонцев и 64 и 72 % для эстонцев [9, lk.38].

Другой проблемой является неравное положение эстонцев и «неэстонцев» на рынке труда: по-прежнему сохраняется языковая и национальная сегрегация по части видов работ (низкоквалифицированные и малооплачиваемые, как правило, достаются «неэстонцам»), уровень без-

работицы среди «неэстонцев» в полтора раза выше, чем у эстонцев, сохраняются тенденции, при которых даже длительно проживающий в стране резидент, не принадлежащий к национальному большинству, сталкивается с трудностями при устройстве на работу. Подобная ситуация складывается по причине того, что подавляющее большинство вакансий на рынке труда требуют высокого уровня владения эстонским языком, в то время как без его знания можно устроиться лишь на очень ограниченный спектр работ по остаточному принципу. Не ликвидировано неравенство и по части зарплат: в 2020 г. средний годовой доход эстонца составил 14297 евро, в то время как доход неэстонца — 12213 евро. Таким образом, доход неэстонцев составляет только 85 % от дохода эстонцев, что является довольно ощутимой разницей [1].

Определенные положительные тенденции наблюдаются в сфере распространения эстонского языка. На январь 2021 г. эстонский язык был родным для большинства населения страны — на нем говорят 895 тыс. человек, или 67,2 %. Русский же является родным для 379 тыс. человек (28,4 % от всего населения страны). С 2011 г. доля граждан, считающих русский родным языком, сократилась с 29,5 до 28,4 % [1]. Тем не менее маловероятно, что падение доли на 1 % за десятилетие может свидетельствовать о насильственной политике ассимиляции или ассимиляционном характере языковой политики. Что же касается непосредственно тенденций в овладении русскоязычного меньшинства эстонским языком, то здесь можно говорить о некоторых успехах.

Доля тех неэстонцев, кто владеет эстонским языком на очень высоком уровне и считается полноценно интегрированным в эстонское общество, выросла с 32 % в 2008 г. до 41 % в 2017 г. и остается с тех пор неизменной. Более положительная картина наблюдается среди тех, кто не владеет эстонским языком вовсе: их доля в последние годы стабильно уменьшается (с 20 % в 2008 г. до 8 % в 2021 г.). Это может свидетельствовать об определенных успехах в популяризации и преподавании эстонского языка. Впрочем, важно отметить и тот факт, что в период с 2017 по 2020 г. темп уменьшения доли лиц, не владеющих эстонским языком, резко сократился [9, лк. 29]. Впрочем, данное сокращение может быть обусловлено и тем, что оставшиеся жители, не владеющие эстонским языком, в большинстве своем представлены пенсионерами, для которых изучение языка уже не имеет особого смысла.

Вместе с тем большинство неэстонцев по-прежнему не владеют государственным языком в должной мере: свободно говорить, читать, писать и воспринимать на слух речь умеют только 41 % неэстонцев. При этом на протяжении времени прирост в данной категории был достаточно скромным — с 2011 г. рост составил всего 5 %, а в период с 2017 по 2020 г. и вовсе был нулевым [9, лк. 30]. Данный факт может говорить об определенных изъянах в преподавании продвинутого уровня языка и/или отсутствии необходимых условий для практики и совершенствования навыков владения языком.

При более детальном анализе можно выявить следующие закономерности: наиболее «проблемным» регионом по-прежнему остается

Ида-Вирумаа (северо-восточная Эстония), в котором проживает наибольшее количество тех, кто не знает язык вовсе (20 %), и наименьшее количество тех, кто владеет им на хорошем уровне (21 %). Для Таллина, напротив, характерен крайне низкий процент не владеющих языком (5 %), в то время как абсолютное большинство (50 %) владеет им хорошо. Подобная ситуация не удивительна ввиду того, что в Ида-Вирумаа по-прежнему сохраняются целые сферы труда и предприятия, не требующих знания эстонского языка при приеме на работу, а также потому, что регион заселен преимущественно русскоязычным населением. Таллин же, будучи столицей, предоставляет огромное количество рабочих мест, которые требуют знания эстонского языка, что вынуждает местных жителей и приезжих учить государственный язык для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Кроме того, в столице лучше развита система обучающих курсов эстонскому языку.

Остальная Эстония, будучи преимущественно моноэтническим и моноязыковым сообществом, показывает наилучший результат по количеству тех, кто не владеет языком вовсе (4 %), но немного уступает Таллину в количестве владеющих им на хорошем уровне (47 %) [9, lk. 30].

Что касается возрастных групп, то наилучших успехов в освоении эстонского языка достигло молодое поколение в возрасте от 15 до 34 лет: на 2021 г. 62 % представителей этой группы владеют государственным языком на хорошем уровне. Самый низкий уровень владения эстонским языком у старшего поколения (от 65 лет) — только 27 % владеют им хорошо. У среднего поколения (35–64 года) похожие результаты — 37 % владеют языком на должном уровне. Тем не менее все три группы имеют хорошую динамику и по прошествии лет стабильно повышают свой уровень владения эстонским языком [9, lk. 31].

Интересно рассмотреть показатели использования русского языка неэстонцами в повседневной жизни — как в рабочей / учебной обстановке, так и в ходе неформального общения в свободное время. Во втором случае русский язык сохраняет стабильно высокие показатели использования (от 96 %). Гораздо более любопытны результаты в первом случае: по прошествии лет использование русского языка в рабочей и учебной деятельности значительно возросло — с 57 % в 2008 г. до 71 % на начало 2021 г. Стоит отметить, что вместе с тем возросло и использование эстонского языка — с 41 % в 2008 г. до 48 % в 2020 г., а также английского — с 12 до 21 % [9, lk. 34]. Исходя из этого можно говорить о развитии мультязыковой среды в стране и об определенных успехах в интеграции русскоязычного населения в эстонское общество. Любопытно отметить и то, что знание русского языка среди эстонцев остается на стабильно высоком уровне — на 2020 г. 54 % эстонцев владели русским языком свободно (в 2011 г. этим могли похвастаться 44 % эстонцев). Вообще не владеют русским языком только 5 % эстонцев [9, lk. 30]. Следует отметить, что использование русского языка среди эстонцев в свободное время также возросло — с 24 % в 2008 г. до 33 % в 2020 г. [9, lk. 34].

В контексте перевода русскоязычных школ на эстонский язык обучения стоит обратить внимание и на ряд статистических показателей в

сфере образования. Так, в числе негативных факторов, связанных с обучением по программе языкового погружения, русскоязычные ученики чаще всего указывали чрезмерные нагрузки и стресс (51 %) и ухудшение знаний по изучаемому предмету (51 %). Реже отмечали ухудшение навыка владения родным языком (37 %) и потерю культурной идентичности (35 %). В то же время в качестве положительных факторов учащиеся называют улучшение навыков владения эстонским языком (85 %), повышение конкурентоспособности на рынке труда в будущем (80 %), улучшение отношений и налаживание контактов с эстонцами и другими жителями страны (85 %), развитие когнитивных способностей у ученика (63 %) [9, lk. 21]. Таким образом, хотя положительное влияние языковой политики выражено ярче, не следует пренебрегать и серьезными проблемами, беспокоящими учеников (прежде всего это повышение учебной нагрузки и ухудшение знаний по изучаемому предмету). И хотя проблема ассимиляции выражена не столь явно, показатели опасения утраты национальной идентичности и ухудшения навыков родного языка слишком высоки, чтобы их игнорировать.

Что касается ситуации с высшим образованием, то на 2021 г. 37 % русскоязычных жителей страны имели диплом бакалавра или выше. Среди эстонцев данный показатель чуть ниже — 34 %. Это говорит о том, что образование на рынке труда играет второстепенную роль, а решающим фактором при приеме на должность является знание государственного языка. Если же проанализировать наличие высшего образования среди молодого поколения 19–29 лет, которые получали образование уже полностью на эстонском языке, то можно увидеть зеркальную ситуацию. В возрастной группе 19–29 лет 24 % эстонцев и 21 % русских имеют диплом бакалавра или выше. Если же учесть и другие национальности, то доля неэстонцев с высшим образованием возрастает до 25 % [2]. Таким образом, в сфере высшего образования действительно можно констатировать однозначный успех интеграционной политики, который характеризуется абсолютным равенством между эстонцами и неэстонцами. Тем не менее следует иметь в виду, что приведенные данные не учитывают того, где именно было получено образование — в Эстонии или за границей, что, безусловно, искажает результаты статистики.

В контексте перевода государственного образования на эстонский язык любопытно изучить уже имеющийся опыт русскоязычных учеников в эстоноязычных школах. К сожалению, официальная государственная статистика не проводит регулярных исследований данного вопроса, полагаясь на частные научные исследования [11]. Если же говорить об общих тенденциях, то русскоязычные дети, обучающиеся в полностью эстоноязычной среде, действительно показывают лучшие навыки владения как государственным языком, так и учебным материалом, нежели их сверстники в русскоязычных школах. Вместе с тем серьезные опасения вызывает тот факт, что далеко не все учащиеся, поступившие в эстонские школы, справляются с учебной нагрузкой. Около 40 % русскоязычных учащихся начинают отставать в процессе обучения и меняют школу, при этом неустановленное количество детей и

вовсе не проходят собеседование на прием в эстонскую школу. Более того, в качестве основных факторов улучшения навыков владения эстонским языком были выделены личные качества ученика, его мотивация, условия обучения в каждой конкретной школе и индивидуальный подход к изучению языка, а не только наличие полностью эстоноязычного процесса обучения как такового [8]. Подобные данные не внушают оптимизма по поводу перехода на полностью эстоноязычный процесс обучения, который может стать шоком для неподготовленных детей и только сильнее увеличит сегрегацию и межэтнический раскол в обществе.

Таким образом, поправки в Закон об образовании от декабря 2022 г., которые фактически ликвидировали государственное русскоязычное образование в стране, выглядят как чересчур поспешный и непродуманный шаг, на что указывают и члены эстонского парламента в ходе обсуждений [13]. Как уже упоминалось ранее, даже старое языковое законодательство было сопряжено с негативными тенденциями среди русскоязычных учащихся. Имелись жалобы на ухудшение усвоения учебного материала, отмечались падение успеваемости, высокие нагрузки и уровень стресса. Подобные проблемы встречались и среди русскоязычных обучающихся в эстонских школах. В итоге массовый перевод образования на эстонский язык может стать шоком для неподготовленных детей, что выльется в кризис языковой политики и испортит уже достигнутые результаты и в других сферах. Поэтому вероятность вырождения интеграционной политики в действительно ассимиляционную, а также маргинализации и люмпенизации русскоязычного населения достаточно высока. Погружение в языковую среду вряд ли пойдет на пользу русскоязычным детям, если учитывать имеющиеся на текущий момент тенденции. Надо надеяться, что эстонское государство подойдет к воплощению в жизнь новых поправок с большой осторожностью, а в идеале — отзовет изменения и доработает законопроект.

Список литературы

1. *Департамент статистики ЭР. Демографические и культурные показатели.* URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel_vordlus__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad/RLV421/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 12.04.2023).
2. *Департамент статистики ЭР. Образование.* URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__haridus/RL21303/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 15.04.2023).
3. *Закон о культурной автономии меньшинств (принят 26.10.1993).* URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/182796> (дата обращения: 14.02.2023).
4. *Закон о языке (принят 23.02.2011).* URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/102072013009> (дата обращения: 14.02.2023).
5. *Кая Каллас: унификация эстоноязычного образования нужна, чтобы не возникло сегрегации.* URL: <https://rus.err.ee/1608103171/kaja-kallas-unifikacija-jestonojazychnogo-obrazovanija-nuzhna-chtoby-ne-vozniklo-segregacii> (дата обращения: 24.04.2023).
6. *Михайлов Д. А. Проблемы изучения русскоязычного населения Эстонии // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 7. С. 16–20.*
7. *Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157.*

8. Урмас Паэт: в Эстонии нет необходимости в культурной автономии для русских. URL: <https://rus.postimees.ee/6415920/urmas-paet-v-estonii-net-neobhodontimosti-v-kulturnoy-avtonomii-dlya-russkih> (дата обращения: 24.04.2023).

9. *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring* 2015. URL: https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/Eesti_integratsiooni_monitooring_20151.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

10. *Eesti ühiskonna lõimumismonitooring* 2020. URL: <https://www.kul.ee/media/3240/download> (дата обращения: 15.04.2023).

11. *Integratsioon Eesti ühiskonnas 2000–2007*. Tallinn, 2006. URL: <https://integratsioon.ee/ru/riikliku-programmi-integratsioon-eesti-uhiskonnas-2000-2007-vahehindamisaruanne> (дата обращения: 11.04.2023).

12. *Põder K., Lauri T., Rahnu L.* Challenges facing the Estonian school system: the achievement gap between language-stream schools and school choice by immigrants // Estonia at the Age of Migration: Estonian Human Development Report 2016/2017. URL: <https://2017.inimareng.ee/en/immigration-and-integration/challenges-facing-the-estonian-school-system/> (дата обращения: 17.04.2023).

13. *Põhikooli- ja gümnaasiumiseaduse ning teiste seaduste muutmise seadus* (eestikeelsele õppele üleminek) 722 SE. URL: <https://tinyurl.com/yc2nayun> (дата обращения: 17.02.2023).

14. *Riigikogu arutelu fookuses olid eestikeelsele õppele ülemineku probleemid*. URL: <https://www.riigikogu.ee/istungi-ulevaated/riigikogu-arutelu-fookuses-olid-eestikeelsele-oppele-ulemineku-probleemid/> (дата обращения: 17.04.2023).

15. *Sidusa Eesti Arengukava 2030*. URL: <https://www.kul.ee/siduseesti2030> (дата обращения: 15.04.2023).

16. *Sotirović V. B.* The Russian Minority Question In Estonia. URL: https://www.researchgate.net/publication/329372339_The_Russian_Minority_Question_In_Estonia (дата обращения: 14.04.2023).

Об авторах

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iliamaks@mail.ru

Максим Смирнов — магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: maksmirn@inbox.ru

I. P. Maksimov, M. Smirnov

LANGUAGE POLICY OF ESTONIA: ACHIEVEMENTS AND THE FUTURE OF EDUCATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 May 2023

Accepted 30 June 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9

To cite this article: Maksimov I.P., Smirnov M., 2023, Language policy of Estonia: achievements and the future of education in the Russian language, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 96–105. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9.

Estonia's language policy sparks serious debates in the academic community, further complicated by the politically charged nature of the topic. In the works of Estonian authors, there is unequivocal postulation of Russia's influence on Estonian society, while relatively little attention is given to the Russian-speaking minorities themselves. Domestic researchers focus on the negative aspects of integration and language policies – violations of the rights of national minorities, the assimilative nature of Estonia's language policy – yet, due to the language barrier, rarely incorporate Estonian-language empirical material. This often leads to diametrically opposite conclusions about the prospects of Estonia's language policy, ranging from the inevitable assimilation of the Russian-speaking minority to its successful integration into Estonian society while preserving linguistic and cultural distinctiveness. The article examines the results of Estonia's language policy as of 2023 and the prospects for Russian-language education in the country, drawing conclusions about the potential transformation of integration policy into a genuinely assimilative one.

Keywords: language policy, assimilation, ethnopolitics, national question, national minorities

The authors

Dr Ilya P. Maksimov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: iliamaks@mail.ru

Maksim Smirnov, Master Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: maksmirn@inbox.ru